

Рогов испытывал непреодолимую гадливость от малейшего соприкосновения с подростками и потому свел общение с ними к минимуму. Он входил в класс, проверял явку, с безгловым выражением лица выговаривая фамилии, внесенные в журнал группы, затем открывал свою тетрадку или даже учебник и бубнил что-то до звонка. При этом мастер не интересовался тем, что все это время делали его ученики; они же, улегшись грудью на столы, крутя патлатыми головами, развлекали себя, как умели. Одни потихоньку переговаривались, другие перебрасывались записочками, третьи, похоже, играли в карты... Они старались слишком не шуметь: их тоже все устраивало... Если бы кто-то подошел к двери учебной аудитории, когда там проходил урок Рогова, то услышал бы нечто странное: равномерный фоновый гул, похожий на гул пчелиного роя, покрывался монотонным сольным гудением. Словно ленивый пономарь нехотя читает давно надоевшие Четвы Минеи среди растревоженных ульев.

Иногда молодым шалопаям наскучивало пребывать в своем наполненном подростковыми комплексами мирке, и они очередной гнусной выходкой обращали на себя внимание мастера. Рогову же противно было даже ругать их; он при малейшей возможности с мстительной радостью выводил в журнале «двойки» обнаглевшим юнцам да одну за другой строчил докладные записки начальству, что окончательно отдалило его от обучающихся.

Надежды на воспитание юной смены рухнули. «Поздно, поздно! — говорил себе Рогов.— В ПТУ уже поздно. Уже короста контрреволюции покрыла души нашей молодежи! Но когда же это начнется? С самого что ли детства?!» И неприятная, жуткая мысль закрадывалась в голову: неужели бытие по самой природе своей контрреволюционно? Неужели революция не имеет продолжения, а обречена оставаться единичным фактом истории? Неужели учение Ленина нельзя приспособить к современности? Неужели это учение не есть наивысшая ступень человеческой мысли? Ленинизм не вечен?! Он устаревает?..

Упрямец Рогов не привык отступать; он намеревался все выяснить досконально, докопаться до корней. Возможно, и впрямь первопричина разложения советского общества лежит в плохой работе пионерской организации? Рогов пошел в подшефную школу, хотел пообщаться с детьми, чтобы выявить уровень их политграмоты. Но

старшая вожатая с каким-то испуганным лицом категорически отказала в такой неформальной встрече, уверяя, что сейчас не время, сейчас идет месячник военно-патриотической работы, а вот в апреле, когда будет месячник профорientации, тогда товарищ со стройки и сможет выступить.

— Да я не по профорientации. Я по вопросам марксизма-ленинизма хочу поговорить!

— Но вы же из строительной организации! — удивилась вожатая.

— Но я же коммунист! — ответил Рогов.

— А коммунистическое воспитание у нас ежедневно проходит, — чутко вскинулась вожатая.

— Ну и как? Много коммунистов воспитали? — с издевкой спросил Рогов.

— У нас дети все знают! — вожатая не замечала Роговского сарказма. — Символы, атрибуты, законы пионеров Советского Союза.

— Деточка моя! — с горечью многоопытного человека воскликнул Рогов. — Можно все знать, а коммунистом не быть!

— Я не понимаю... Советская система образования лучшая в мире! — на всякий случай отрапортовала вожатая. — У вас вообще направление есть какое-нибудь? Вы имеете право с детьми работать? У вас какое образование?

Рогов махнул рукой и вышел: «Окопались. Везде окопались. Обычный гражданин Страны Советов не может встретиться с подрастающим поколением, выяснить, кого растят ему на смену — обязательно какое-то разрешение нужно. А вот так, потечески, без формализма? Это же лучше всего... «Какое у вас образование?» Как будто от наличия диплома зависит сознательность и готовность бороться до конца... Начетчики! Выхолащивают живое ленинское учение. С пионерского возраста готовят приспособленцев и чинуш».

Рогову казалось, что зная ленинизма вот-вот выпадет из его усталых рук, и требовалось полностью мобилизовать волю, чтобы убедить себя не сдаваться. К тому же привычные идеологические инъекции действовали с каждым разом все слабее и слабее. Ни радиоспектакли, ни фильмы революционной тематики, ни стихи советских поэтов, ни песни на их стихи, ни даже пластинки с голосом Ильича уже не вызывали прежних приливов сил и оптимизма. Жизнь проходила без подвига, без красноречивых рейдов по тылам неприятеля, но в неизбывной тоске по ним.

Дальнейшее существование Рогова в течение нескольких лет было исполнено глубокого драматизма. Один за другим умирали Генеральные секретари ЦК КПСС, и Рогов с воодушевлением встречал каждое новое назначение на высший пост в стране. Каждый раз верилось, что вот этот-то человек и продолжит революцию, начнет обновление, призовет «сотню юных бойцов», отправит на разведку в поля... Нет. Все надежды раз за разом обращались в пепел несбыточности. По-прежнему всюду царили примазавшиеся к партии и безразличные к делу рабочего класса бюрократы.

И только с началом «перестройки» полное и близкое теперь уже обновление предстало почти осязаемой реальностью. Словно бальзам на душу лились произносимые с высоких трибун слова о возвращении к истинному ленинизму. Как музыка звучал ставший необыкновенно популярным девиз: «Иного не дано!» Эхом боевого клича красных конников времен гражданской войны, эхом легендарного «Даешь!» отзывалось нынешнее «Иного не дано!» И не хотелось разбираться, кому и почему не дано, отчего это все «иное» с ходу отмечается... Ясно было одно: достали, сил больше нет, пора все менять! Рогов сделался горячим сторонником Горбачева, готовился горы свернуть под руководством велеречивого генсека.

Но со временем Рогов все чаще стал задавать себе вопрос: а не творится ли под прикрытием фраз о развитии революционного потенциала масс черное дело отката от

завоеваний Октября? Непредвзятый взгляд на социальные и экономические реалии мог вызвать у верного ленинца лишь недоумение: в стране победившего социализма множился класс частных собственников, мелких хозяйчиков, наживавшихся за счет трудящихся; появился даже коммунист-миллионер, а партия, осуществлявшая некогда политику военного коммунизма, получала от него в качестве членских взносов какие-то совершенно неприличные суммы... Рогов никак не мог взять в толк: «И это у нас? В государстве рабочих и крестьян? Бред какой! Ведь следующий шаг — эксплуатация человека человеком! Это же посягательство на основы! Что они там, наверху, не понимают?!» И осекся партиец-энтузиаст, пораженный догадкой, что все они там, наверху, понимают... Сознательно подрывают устои.

Интуитивное предположение о засилье в партаппарате многочисленных диверсантов и саботажников подтверждалось все множившимися фактами. Вот, например, в газетах, в журналах среди верных, идеологически выдержанных материалов замелькали оппортунистические статейки. «Зачем же это печатают?! Не понимают, что ли?» — возмущался Рогов. И вновь отвечал себе: не могут не понимать. И вновь убеждался: сознательно вредят.

Наконец, разнузданная пропаганда чуждой идеологии дала всходы в толще народной массы. Однажды во время ноябрьской манифестации Рогов с ужасом увидел над толпой кроме красных флагов полотнища других цветов, а на длинном древке вместо портрета вождя крест с изображенным на нем раскинувшим руки человеком. Рогова просто передернуло: «Все! Дошли до точки. Поповская проповедь у нас теперь на демонстрациях осуществляется!» Бессильная злоба буграми перекатывалась по скулам.

Для Рогова празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и Дня международной солидарности трудящихся всегда оставалось делом святым. По-настоящему святым, как святы были языческие радения для первобытных племен. Торжественно-нездешними казались сами названия праздников. Рогов любил тихонько вслух произносить их, четко артикулируя: «годовщина Великой Октябрьской социалистической революции»; «День международной солидарности трудящихся». По сравнению с этими словами, звучавшими гулко и мерно, как бубен шамана, по сравнению с безмерностью стоящих за словами понятий отдельная человеческая личность представлялась ничтожной. Но и нужна была эта маленькая личность, ибо из капель состоит революционная Ниагара, а человеческие ручейки сливаются в реки демонстраций.

В какой-то книге Рогов прочел интересную метафору: 1 Мая — это рабочая Пасха. Да и для Седьмого ноября подошла бы такая аналогия. Нельзя сказать, чтобы Рогов разбирался в толкованиях религиозных обрядов или праздников, однако классовое чутье подсказывало, что суть христианства правильная, революционная, а посему идеология Каприйской школы не показалась бы ему абсолютно неприемлемой. Практику богостроительства, конечно, следовало осудить как ошибку, интенции же рабочего движения и клерикализма, безусловно, сходны. И вот если церковники ежегодно имитируют Воскрешение Христа, то коммунисты дважды в год оживляют свою святую ночь — ночь с 24 на 25 октября 1917 года, когда умер старый мир, а взамен ему возник мир обновленный, от начала веков чаемый, тайно существовавший, как бы дремавший в сердцах всех прогрессивных людей, но дотоле не являвшийся человечеству во всем своем трагическом великолепии.

Тогда, непроглядной осенней ночью семнадцатого года, мятежная народная стихия, организованная и возглавленная Лениным, направила неукротимую силу свою против всего, что тормозило прогресс, душило свободу и попирало принципы гуманизма. Из отдаленных концов темного Петрограда, словно вышедшая из берегов ре-

ка, стеклись к центру толпы одетых в солдатские шинели рабочих и крестьян, революционных матросов, красногвардейцев и захватили Зимний дворец. А ныне при ярком свете дня во всех городах великого Советского Союза под теми же знаменами собираются внуки и правнуки бравших Зимний, разыгрывается вновь и вновь та же историческая мистерия, символически повторяются те же эпохальные события, удостоверяя неугасимую память о славном прошлом. Когда мы маршируем стройными рядами, кажется, что предки наши обрели бессмертие. Они идут рядом с нами в праздничных колоннах, безмолвно подтверждая: все было именно так! Вот так же собирались они в условленных местах, вот так же реяли над ними красные стяги и революционные лозунги, вот так же неостановимо двигались они навстречу светлому будущему, приветствуя своих вождей.

Но помимо инсценировки главного события в истории человечества, помимо подтверждения верности традициям, регулярные советские демонстрации получали и другое значение. Людские массы, изливавшиеся мимо праздничных трибун, с заранее оговоренной регулярностью ритуально выражали покорность власти. В другие дни можно было расстегнуть верхнюю пуговку идеологического мундира, покурить и расслабиться, но 1 Мая и 7 Ноября, во время генерального смотра, народ, словно старый солдат перед командиром, привычно становился навытяжку перед правительством. Струясь ликующей водицей у подножия трибун, стелясь пестрой травкой перед ликами руководителей, народ выказывал им безусловную поддержку, подтверждал их право действовать от имени всей страны. Люди, бодро шествовавшие в колоннах демонстрантов, удостоверяли бессрочный велемощный мандат своих вождей; и никто не собирался требовать никакого отчета, так как все были убеждены: жизнь вокруг хороша, а станет еще лучше. При условии сохранения властью за собой обязанности по поддержанию материального существования народа, неоспоримое право принимать глобальные решения и предпринимать исключительно важные шаги оставалось за ней.

Рогову иногда представлялось, что демонстрация — это коррида. Темная, необузданная, как громадина-бык, толпа двигалась мимо трибун, а с трибун вонзались в толпу шпаги и бандерильи начальственных взглядов. И толпа подчиняется этим невидимым, но ощущаемо колючим сверкающим клинкам, сомнамбулически следует за взмахами красного флага, делает то, чего добивается от нее пикадор.

Но и это было не все. Обрядовым выражением преданности властям преержающим смысл советских манифестаций тоже не исчерпывался. Помимо прочего, они помогали массе ощутить свою непобедимую силу. Задолго до начала демонстрации приходили на пункты сбора сонные, расслабленные мужчины и женщины, занимали определенные заранее места, переминались в ожидании назначенного часа. Но когда не совсем еще стройные ряды начинали набирать ход, происходило преобразование этих людей. Личность в парадной колонне уже не существовала сама по себе, она превращалась в фотон единого потока энергии. В результате спорадических соприкосновений, в результате хаотического трения друг о друга человеческие элементарные частицы обретали небывалую мощь и направленность движения, под сильным давлением из разгонных трубок города-ускорителя — проспектов и улиц — вливались в резервуары площадей и бешеной энергией затопляли страну. Наэлектризованные толпы освещали шестую часть планеты разливами коллективной радости, от которой каждая индивидуализированная корпускула праздничного протуберанца ощущала себя счастливой и потому еще активнее генерировала всеобщий душевный подъем. Так осуществлялась цепная реакция совместного ликования.

От поступи облученных восторгом демонстрантов сотрясалась земля, покачивались здания. Вливаясь в эту светлую стихию, Рогов всегда ощущал, как изменяются

его физические параметры: как увеличивается плотность, как растет масса. Под его башмаками проминался асфальт, сжигался Земной шар, а от этого ближе, роднее становились и идущие рядом, и шагающие в колоннах по всему Советскому Союзу, и даже шествующие в шеренгах на других континентах. Хотелось верить, что и на далеких планетах играют сейчас праздничные оркестры, а где-нибудь на Марсе колыхаются транспаранты и флаги в щупальцах марширующих зелененьких раскоряк...

И еще, и еще, и еще... Сколько же смыслов крылось за всем привычными, а кое-кому даже надоевшими советскими демонстрациями! Излучение галактической энергии тоже не закрывало список возможных расширенных толкований этого действия. Ведь и древнегреческие дионисии, и триумфы римских легионов, и крестные ходы, и бразильские карнавалы, и шествия луддитов, и парады санкюлотов,— все это только предвестия современных манифестаций, постепенное приближение к ним. А такое проявление поступательности исторического прогресса (пусть и на примере не самом значительном) наглядно доказывает, что социализм является высшей стадией развития цивилизации (и значит, Маркс был прав, и значит, коммунизм неизбежен).

Итак, шагая вместе со всеми в украшенной воздушными шарами, флажками и огромными матерчатыми гвоздиками колонне, Рогов ощущал, что находится в гармонии со всем, что ни есть на свете, со всем, что когда-либо существовало или только еще станет сушим.

И лишь некоторые досадные мелочи неприятно диссонировали с праздничным настроением и отчасти омрачали радость причастности к общему движению. Во-первых, явка на мероприятие всегда была проблемой: и в строительном-монтажном управлении, где Рогов прежде трудился, и в коллективе ПТУ, членом которого он стал теперь, многие старались увильнуть от участия в демонстрации, отпроситься под каким-нибудь предлогом, а то и без всякой причины не придти в назначенное место. Во-вторых, большинство мужиков (да и кое-кто из женщин), несмотря на уговоры, прямые запреты и грозные предостережения, в обязательном порядке употребляли спиртное, ссылаясь на необходимость согреться в прохладный утренний час. В-третьих, после прохождения мимо трибуны с руководителями, когда спадало напряжение единодушия, когда из толпы словно вынимали державший ее стержень и она рассыпалась вновь на отдельные человеческие атомы, то здесь, то там по пути следования расходящихся демонстрантов можно было видеть как бы случайно оставленные в спешке портреты на длинных древках, свернутые транспаранты и даже знамена. Люди легкомысленно бросали этот выданный им во временное пользование реквизит, чтобы не нести его обратно к специально выделенному грузовику, который затем свозил всю атрибутику на склад предприятия до следующего раза, а направиться сразу домой в чайнии праздничной трапезы и обильных возлияний.

А вот Рогов всегда подбирал брошенные революционные хоругви, чувствуя себя при этом древнерусским князем, после страшной сечи обходящим поле битвы и безмолвно беседующим с павшими. С трепетом собирал он реликвии славной, но тяжелой победы, будто бы изроненные остывающими руками ратников, и бережно относил все свои находки дежурившему возле служебной машины завхозу, падкому на чужое добро. Завхоз, воплощение всех пороков своей касты, касты известных скопидомов, каждый раз бурно славословил добытчика-Рогова, а тот удалялся грустный, поникший. Он отказывался понять недисциплинированных манифестантов, не принимал поведения соотечественников, способных ради минутного плотского удовольствия опозлить то великое чувство, которое праздничные торжества рождали в пламенном большевистском сердце. Рогова и угнетали, и бесили проявления человеческих слабостей, опять испортившие ему красный день календаря...

Но потом настали времена еще хуже. Однажды, уже в эпоху «гласности», Рогов

стал свидетелем какой-то фантомной, выморочной демонстрации, которую и представить-то себе было невозможно, но которая имела место в реальности. Дело было летом. Не Первого мая, не Седьмого ноября. Праздника не было, а демонстрация была. Сперва Рогов даже посчитал, что заблудился во времени. Он направлялся куда-то по своим делам, в очередной раз обдумывая всю сложность политического момента, неторопливо брел, чуть потупив отягощенную думами голову, по извилистым переулкам старой части города. И на дальнем конце одного из них Рогов боковым зрением уловил (скорее почувствовал, чем увидел) движение некой темной массы. Вздрыгнув от нехорошего предчувствия, он разглядел в перспективе переулка взмахи флагов и транспарантов, мельтешение силуэтов людей, выходявших колонной на главную площадь. Несколько мгновений Рогов стоял, не двигаясь с места, словно боксер на ринге, оказавшийся в состоянии грогги.

«А почему мне не сказали? Почему я не участвую?» — потерянно думал Рогов, невольно ускоряя шаги в направлении площади. Неприятно холодело и сосало под ложечкой: как же так? он шел по частным, мелочным делишкам, а в это же самое время был приведен в действие государственный механизм выброса революционной энергии? Внеочередной заряд коллективизма уже забит в ствол улицы, уже взведены курки, уже готова выстрелить в космос картечь энтузиазма, чтобы силой отдачи разогнать нашу остывающую планету, подхлестнуть ее медлительный лет к светлому будущему. И все это без него? Забыли! Бросили! Рогов почти уже бежал по узкому ущелью, образованному невысокими обветшалыми домами.

«Что-то пошло не так!» — эта мысль учащенным пульсом билась в висок. А почему не видно воздушных шариков над колонной? Почему не разносится из репродукторов праздничная музыка? Что-то пошло не так! Все разъяснилось, лишь когда дома расступились и картина происходящего стала видна полностью. Рогов замер на месте. Не тысячи бодрых трудящихся вступали на площадь — несколько сотен волосато-бородатых испитых интеллигентов. Не красные флаги реяли над демонстрантами — какие-то сине-розовые вымпелы. Не аккуратно набитые трафаретным способом белой краской по кумачу транспаранты несли они, а лозунги, наспех, небрежно намалеванные черным на простынных полотнищах. Рогов невольно попятился назад в переулок: на его глазах, на глазах множества горожан проходила демонстрация диссидентов.

Диссидент... Само слово было неприятное, а уж понятие за ним крылось и вовсе страшное. Диссидент — тот, кто заносчиво противопоставляет себя коллективу, тот, кто считает себя умнее других, да не только каждого по отдельности, но и всех вместе, объединенных в непогрешимую партию. Диссидент — тот, кто не принимает не только нашу идеологию, но и нашу мораль, ведет себя распушено и безнравственно. Диссидент — тот, кто слушает ночами вражеские радиоголоса, радуясь неудачам своей Родины, готовясь при первой возможности вонзить нож в спину родной стране... Рогов, как и большинство советских граждан, знал, конечно, что существует у нас это постыдное явление, как существуют где-то наркоманы, валютчики, гомосексуалисты, проститутки, но вблизи такого позора никогда не видел.

А тут неожиданно много оказалось этих самых инакомыслящих, готовых выставить свою инакость напоказ, идущих на виду у всех нагло и, кажется, нарочно не в ногу! Потрепанные лица людей, исстрадавшихся от бесплодности нескончаемых разговоров о собственной значимости для истории, горели сейчас горячечной отвагой и сознанием непреложности своей правоты. Длинноногие демонстранты в джинсах двигались быстро, почти бежали, видимо, до конца не веря в то, что их дерзкие мечтания, как табачный дым клубившиеся на тесных кухоньках во время диссидентских сходок, стали реальностью, что под теми безобразными лозунгами, которые они не-

сли, им все-таки удастся беспрепятственно пересечь намоленную правoverными шествиями площадь и безнаказанно разойтись. А возмутительнее всего было то, что, чуть отстав от толпы отщепенцев, их жиденькую колонну, словно почетный эскорт, сопровождала патрульная милицейская машина, так и не въехавшая на площадь, но простоявшая до конца митинга. И милиционеры, наши советские милиционеры, не только не задерживали крамольников, напротив, создавали им все условия для беспрепятственного проведения бесстыдной акции.

«Все. Доигрались в демократию! — размышлял Рогов.— Враги социализма, не таясь, идут по нашей советской земле. Почему разрешили? Как допустили?! Всюду предательство! КГБ бездействует. Партийные идеологи безмолвствуют. Вот тебе: «Иного не дано». Конец революции!»

По городу тем летом поползли вовсе невероятные слухи о строительно-монтажном управлении, где когда-то трудился Рогов. Мол, там-то и засели главные СМУтьяны, решили сами выбирать себе начальников. Рогов навел справки и убедился: стройка, действительно, бурлила. Да! выбирать будем бригадиров, прорабов,— всех снизу доверху... Кого захотим, того и поставим! Мы и только мы хозяева своей страны и, значит, своей стройплощадки! Мы и только мы знаем, как надо работать и как руководить работой! Рогов пожалел было о том, что трудоустроился на новом месте, хотел даже вернуться обратно, ведь сейчас его лучшие качества оченьгодились бы товарищам. Но когда узнал, что Колобанова чуть не выбрали какой-то там шишкой...

К тому же игры с выборами на производстве скоро прекратились. Да и вообще время игр проходило. В головах номенклатурных деятелей, временно растерявшихся от пестроты перестроечных явлений, что-то провернулось: «Кого выбирать? Нас? На альтернативной основе? Начальство себе выбирать вздумали? Вы довыбираетесь, лодыри и тупари! Вы такого наворотите!.. Ну вас к хренам с вашей революционной ситуацией, когда низы, якобы, не хотят жить по-старому, а верхи не могут руководить! Мы — можем! Мы прищучим эти вшивые низы карточной системой, мы дефицит доведем до размеров всеохватности, мы ограбим вас денежной реформой, и тогда забудете про демократические игрища, а будете думать лишь о том, чтобы набить себе брюхо, чтобы хоть крошку малую закинуть в клюв орущих ваших птенцов».

И, конечно, революционная романтика на таком фоне сразу потускнела, порыв к «ленинским нормам» исеяк, мечты о «правовом государстве» и «социальной справедливости» развеялись. Призрак социализма с человеческим лицом замедлил свою поступь при виде другого призрака — призрака нищеты и голода. Затем социалистический фантом стал нерешительно топтаться на месте, а вскоре совсем растаял, как и положено любому привидению. Придавленные к земле ежедневной борьбой за существование люди понуро опустили крылья, а чуть погода за ненадобностью безвозвратно отбросила их, как отбрасывает природа гомо сапиенс любой обременительный рудимент... Или, может быть, в глубине человеческого духа все же обретается постоянное желание возвысить жизнь над существованием, подобно тому, как в глубине организма до сих пор сидят непонятно для чего копчик и аппендикс?..

Да-да... Возвысить жизнь над существованием... Однажды (было это, кажется, в марте) Рогов, бесцельно разглядывая из своего окна, выходявшего на задворки, сырую сумеречную улицу, заметил у мусорных баков оборванного какого-то старика. Сначала невозможно было разобрать: чего он там копается? А потом дошло: дед выбирает из помойки что-нибудь годное для поддержания жизнедеятельности. Рогов впервые видел такое, и потому долго не верил своим глазам. Над страной по-прежнему развевался алый стяг с серпом и молотом, а бездомный нищий уже рылся в чужих отходах. Рогова чуть не стошнило, когда он прочувствовал всю отвратительную несуразность этой непоправимой драмы.

Тоска, тоска и тоска! Мартовская грязно-слякотная тоска колыхалась в душе, грозила излиться наружу: «Твою мать... Вот же он, оскал капитализма... Первое, что к нам попало с Запада — не сверкающие всеми огнями витрины, которыми так соблазняют рыночники, а копающийся в мусорке старик. То, что так осуждали, глядя на размещенные в газетах фотографии зарубежных корреспондентов, то, чему так дружно ужасались, уверенные, что вот уж этого-то у нас не будет никогда, вот оно — под твоим окном. Полюбуйся на достижения советского строя!»

А процесс-то уже пошел, как сказал бы архитектор перестройки, пошел неостановимо, показывая свою оборотную сторону: поперли как из-под земли кооперативы, частные лавочки, сомнительные фирмы... Рогов просто поражался: «Откуда? Как и почему до сих пор живет в людях тяга к личному имуществу? Семьдесят лет вытравили частнособственнические инстинкты, а они по-прежнему не искоренены! Семьдесят лет не давали даже ростку приобретательства пробиться сквозь асфальт передовой идеологии, а вот все-таки лезет оно на белый свет! Словно спора сибирской язвы, навечно заразила людей жадность и, как ни борись с ней, начинает размножаться при первой же возможности. Стремительно плодятся смертоносные бациллы и отравляют человека, инфицируют общество! Да как же с этим справиться? Да возможно ли это победить?!»

Рогов с настойчивостью обманутого кредитора вновь и вновь шел к памятнику Ленину. Рогов с пытливостью дервиша приходил сюда за разрешением все новых и новых сомнений. Рогов с робостью нерадивого ученика приближался к пьедесталу. Рогов с надеждой усомнившегося апостола заглядывал в лицо каменноглыбному гиганту. Но гигант уже не метал, как прежде, молнии, он отводил глаза.

«Ты только не сдавайся,— твердил себе воин-одиночка.— Нельзя сдаваться, даже если все оказались предателями, даже если каменный Ленин устал; ты не уставай, ты будь надежнее камня и стали, ты оставайся нестигаемым». Но силы невозстановимо убывали, но улетучивались с каждым днем корчагинские задор и упорство, но слишком многочисленны оказались темные волны вражеских атак. Сохранялась еще надежда — на органы госбезопасности, на орден меченосцев революции, на рыцарей с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем, которые должны же очнуться и восстановить в стране железный порядок. Однако органы демонстративно бездействовали; следовательно, там тоже измена...

Рогов решил переходить на нелегальное положение. Он уже представлял себе, как будет по ночам расклеивать листовки и как однажды попадет в лапы к контрреволюционерам, которые примутся пытать его, выжгут на теле пятиконечную звезду, но Рогов, конечно, на допросах не произнесет ни слова и не назовет ни одного имени. Плевать, что нечего сказать и некого выдать! Он будет молчать из принципа.

День ото дня Рогов все более замыкался в себе. И без того редкие контакты с людьми почти прекратились: наверняка вокруг полно тайных агентов деструктивных сил, а Рогову никак нельзя выдать себя. Во что бы то ни стало он обязан сохранить и передать будущим неведомым пока соратникам горящую в его душе единственную на всю страну, на всю планету лампаду с огнем революции, так трагически одиноко трепещущим в сгущающейся тьме.

И что интересно: как только Рогов осознал всю значимость выпавшей на его долю грандиозной миссии, ему начали деятельно помогать некие высшие силы. Удивительным образом Рогов, словно по открытой книге, читал самые тайные замыслы врагов. Вот они решили прибрать к рукам прессу, и газеты одна за другой с бездумной легкостью переходили на сторону мракобесов. Вот начали действовать на производстве и в сельском хозяйстве заранее внедренные, но до времени законспирированные саботажники. В результате их диверсий начался товарный, а затем и сырье-

вой голод; вскоре стало явственно угадываться приближение голода в самом прямом, самом убийственном смысле этого слова. Рогов с вдохновением визионера прозревал дальнейшее развитие событий: контрреволюционеры спровоцируют недовольство народа, поднимут армию и установят военную диктатуру, арестуют партийно-государственную головку, после чего начнутся облавы на рядовых коммунистов.

И вот тогда, захватив всю полноту государственной власти, подчинив себе пропагандистскую машину, развязав террор против партии, супостаты каленым железом выжгут из памяти народной светлый образ Ленина, великие идеи коммунизма. Рогов даст им время успокоиться, удостовериться в окончательной победе, а потом начнет действовать. Противостоять всепоглощающей, всерастлевающей контрреволюции можно лишь длительной и кропотливой нелегальной работой. План затяжной подпольной борьбы созрел у Рогова как-то одновременно, но в мельчайших деталях.

Уже существовала принципиальная договоренность о переезде в один из отдаленных райцентров области, где требовался мастер производственного обучения в лесотехнический техникум и куда Рогов прибудет под видом простого учителя. Оттуда, из-под сени бесконечных русских лесов, начнется красное сопротивление и, возможно, партизанская война. Там, в тиши дубрав, в одинокой избушке лесника, будет создан законспирированный штаб революции. Рогов распропагандирует местных жителей, привлечет их к борьбе. Возникнет разветвленная сеть тайных боевых организаций, способных в нужный момент вновь направить ход истории в предначертанную классиками марксизма-ленинизма колею.

Однако это произойдет еще не скоро, а пока он сосредоточится на воспитательной работе. Рогов не повторит прежних ошибок: студенты и школьники оказались неспособны к восприятию революционной теории, поэтому он начнет с детского сада, с яслей! Ошибка советской системы образования заключалась в том, что малыши-дошкольники считались как бы идеологическими допризывниками, по малолетству освобожденными от серьезной и целенаправленной коммунистической закалки. Поэтому и приходили они к октябрятскому возрасту с сознанием, уже деформированным царившими в обществе нигилизмом и обывательщиной. Да и октябрят почти не подвергали никакой идеологической обработке, так... на уровне атрибутики, поверхностно. Неправильно это! Если бы сызмальства ребенок впитывал высокие истины, то, став взрослым, без всякого принуждения и даже контроля жил бы в соответствии с заповедями кодекса строителя коммунизма, более того, начал бы воспроизводить впитанное в детстве в поколениях своих детей.

Вот по какому пути следовало двигаться! А выходить на него нужно немедленно, пока еще живы в памяти молодых поколений наглядные примеры беззаветного служения благородным идеалам и самоотверженного труда во имя приближения светлого будущего всего человечества. Конечно, для принятия срочных мер общественного спасения потребовались бы дети, совсем маленькие дети (хотя бы один для начала!), которых Рогов воспитает убежденными коммунистами, которым передаст факел борьбы. Только детей у Рогова не было, и завести их в ближайшее время не представлялось возможным... Вот ведь досада: все досконально продумано, а из-за какой-то ерунды нельзя осуществить такой логичный, такой стройный замысел!

Выход неожиданно подсказала уборщица из того ПТУ, где покуда продолжал служить Рогов. «Покуда» — потому что из училища он в любом случае собирался уходить, даже если бы не нашлось место в лесотехникуме. Бывший строитель впервые ступил под своды храма производственного обучения с заведомым пиететом к преподавателям, с пиететом, равновеликим его априорной любви к детям. Но слишком скоро издерганное болью сердце коммуниста оказалось уязвлено в очередной раз: он убедился, что в педагогической среде тоже свил свое змеиное гнездо оппортунизм.

Женщины, большинство из которых оказались незамужними, интересовались исключительно вопросами взаимоотношения полов, и ничто другое в многообразном, радужном мире их не занимало. Они изводили нового члена коллектива своими неотступными взглядами: кто призывными (впрочем, без намека на страстность), кто томными (впрочем, скорее, скучающими), кто наглыми (впрочем, скорее, злыми), кто притворно скромными. Рогову иногда даже снилось, как все эти бабы скопом наваливаются на него, напирают увядающими бюстами, настойчиво подталкивая в сторону городского загса. Причем, похоже, не имело значения, кто из них будет зарегистрирован в качестве жены, но пока всем хороводом не загонят «неокольцованного» мужика в стойло законного брака, покоя ему не видать... А немногочисленные мужчины из числа преподавателей ПТУ были, напротив, необщительны, замкнуты, могли разговаривать лишь после рюмочки во время совместных застолий по праздникам. Да и тогда все разговоры сводились к тому, кто и что сумел «достать» для дома, для дачи, для автомобиля...

Люди, которым доверена ключевая общественная функция — формирование сознания будущих представителей рабочего класса — запутались в сетях обывательских предрассудков и не только ни в коей мере не соответствуют своему благородному предназначению, но и органически не способны подняться на должную идейную высоту.

Коллеги вновь оказались идеологическими противниками! Рогов же своим мелочным крючкотворством и перманентным занудством снискал у сослуживцев звание склочника, постепенно сделался изгоем, как и упомянутая выше уборщица, страдавшая, по столь же безапелляционному, сколь безосновательному суждению окружающих, тихим помешательством.

Как часто кажущееся необычным поведение заставляет нас презрительно и поспешно сказать о ком-то: «Ненормальный!» Как мало у нас желающих объективно и всесторонне разобраться в том, что легче всего объявить «странностями»! Ну да, была у немолодой уже женщины привычка все время бурчать себе что-то под нос. А вдруг беседа, которую она постоянно вела сама с собой, настолько увлекательна, что ее жаль прерывать и на минуту? А вдруг уровень этого внутреннего диалога соответствует масштабу споров философов Академии? Во всяком случае, Рогов, несколько раз слышавший сделанные «техникой» замечания по разным поводам, поражался тому, насколько ее комментарии были точны и настолько исчерпывающе характеризовали участников событий.

Рогов раз от раза все внимательнее прислушивался к бормотанию уборщицы, ничинно игнорируемому всеми остальными. А в тот памятный день он уловил в потоке речи полемойки созвучные своим мыслям слова. Гремя ведром и шаркая тряпкой по коридору, старуха негромко бубнила: «Дети растут, ничего не знают... Лезут на свет из транды, никому не нужны...» Случайно проходивший мимо Рогов вздрогнул и остановился. Какая-то неясная догадка мелькнула в голове. Он счел необходимым подробнее расспросить о ненужных детях, и уборщица охотно передала ему рассказ своей знакомой, вахтерши в каком-то общежитии: вот-де, одна дуреха деревенская приехала в город на заработки, да тут и понесла. Теперь скоро родит, а куда его? Не котенок, в речке не утопишь. Отца не сыщешь. Вот бы кто замуж взял, пока брюхатая, так ребяенок и думал бы, дескать, — отец; слушался бы да почитал. А так — кто ж ее возьмет? Ни она никому не нужна, ни байстрюк, слышь, никому не нужен. А только так-то не должно быть в нашем-то государстве. Кто-нибудь, слышь, должен за это дело взяться.

«Да! — осенило Рогова. — Я возьмусь. Это выход. Это для всех выход». План спасения родины и революции был экстренно скорректирован. Переселение в отда-

ленную местность не отменялось, но поедет Рогов туда уже с женой, с этой несчастной на данный момент беременной гражданкой. Когда же она разрешится от бремени и на свет появится младенец, Рогов начнет свою работу по воспитанию ребенка в духе верности заветам Ильича. А дальше все пойдет как по маслу: юный помощник, подготовленный с самого детства к борьбе за правое дело и не боящийся трудностей, а также его мать активно включатся в процесс формирования новых поколений убежденных ленинцев, чей кадровый резерв постоянно будет пополняться за счет усыновления других сирот, которые, вырастая, занимая ключевые должности на производстве, в органах управления, в армии, поотрубают головы контрреволюционной гидре и выведут страну на марксистско-ленинский курс.

Дух захватывало от открывшихся перспектив! Рогов впервые за долгое время почувствовал прилив оптимизма. Неисправимый романтик, он загорелся мыслью немедленно приступить к реализации проекта, за секунду сложившегося в голове. Азарта добавляло то, что намеченная схема казалась вполне реалистичной, даже легко воплотимой: ненужных родственникам детей в стране найдется немало, их-то Рогов и возьмет под свою опеку. Как это сделать, пока неясно, но главное сейчас — заложить хотя бы первый камень в фундамент будущего подлинно справедливого общества. Главное — не упустить младенца, о котором ему только что стало известно.

Рогов разузнал у уборщицы, в каком общежитии работает ее подруга-вахтерша, как зовут простушку на сносях, и на следующий же день отправился в гости.

